

Право на космос

«Космос» стал фаворитом последних театральных сезонов и редким случаем драмы кризиса среднего возраста из жизни одинокой женщины.

текст **Елизавета ГУНДАРИНА**

Алексей Житковский написал в 2020 году «Космос» — горькую и довольно смешную пьесу о потерянном времени, забуксовавшей жизни и ненасытном прошлом, поглощающем настоящее. Алтайский театр драмы может гордиться, что одним из первых обратился к этому тексту, выпустив премьеру еще в марте 2022 года (режиссер — Дмитрий Акимов, художник — Юлия Ветрова). Своей обжигающей финальной сценой спектакль негаданно прорвался в настоящее и с тех пор смотрится разговором о вечном

безвременье и эскапизме как способе выживания в непростое время. В этом, на наш взгляд, секрет невероятной энергетики, которую спектакль выработывает каждый показ.

Все там устроено на ощущении тотальной невозможности и стремлении ее преодолеть. Узкое игровое пространство экспериментальной сцены усыпано серо-черной не то землей, не то пеплом, не то пылью тропинок далеких планет, из-под которой красными пятнами проглядывает узнаваемая ковровая дорожка казенных

**Лена Кезелева в роли Татьяны
Гизатуллиной в спектакле
«Космос». Фото Кирилла Ботсаева**

советских коридоров. Это одновременно комната Татьяны (актриса Лена Кегелева) и кладбище, где похоронены ее непутевые одноклассники выпуска где-то начала 90-х: «водка, рэкет, кокаин» — и ее совсем молодой муж, убитый тогда на одной из локальных войн. Это же — школьный класс, где когда-то сидел за партами теперь наполовину мертвый класс Татьяны, и где сейчас она сама учит английскому новых мальчиков и девочек 2000-х. И посреди задника сцены телеэкран с затертым до дыр фильмом «91/2 недель», образующий портал, откуда к Татьяне заглядывают ее гости — красавчик Джонни — Микки Рурк и герой-космонавт Серёжа (Антон Кирков), ее школьная любовь. С помощью пространства нам показали цикл смены поколений, кладбище разбитых надежд, где вязнут и застревают герои старшего и младшего поколений.

В этом классе живые и мертвые существуют параллельно, а Татьяна по-хозяйски раздаёт одним домашние задания, а другим разливают водку и оставляет конфеты на закуску, снисходительно при этом журуя: здесь все свои. Сцена восстановления из мертвых лишена какого бы то ни было налета инфернальности, а покойники выглядят как провинившиеся подростки, которых выпустили погулять. Они так и останутся на сцене на протяжении всего спектакля, где будут вести свою партию в качестве слуг просцениума. И только после того, как выполнят свою истинную миссию — лишит Татьяну иллюзий, оставить один на один с правдой жизни, печальной вереницей уйдут куда-то вверх по лестнице.

Соседство на сцене живых и мертвых — режиссерское открытие спектакля, в пьесе это не прописано. Оно позволяет смотреть спектакль двойной оптикой. С одной стороны, мы видим происходящее глазами Татьяны, которая, единственная из всех персонажей, ощущает присутствие в своей жизни потустороннего. С другой, наблюдаем со стороны встречу двух миров, внутри спектакля героям недоступную, — они пересекаются, но не замечают друг друга. И в этом исключительность зрительской точки зрения. Спектакль и живет в этих сценах, разыгрываемых в присутствии немых и невидимых свидетелей человеческих драм, которые располагаются вокруг, как болельщики на трибунах.

Трепетной обреченности исполнен дуэт Лены Кегелевой и Антона Киркова, играющих роли бывших одноклассников, а теперь вдовой учительницы и героя-космонавта, пришедшего прямо в скафандре из телевизора-портала. Невозможна встреча дожившей до 42 лет жены со своим прозрачным 20-летним мужем Ильдаром в еще одном дуэте Лены Кегелевой — с молодым артистом Максимом Пивневым. И тут уже не она, а он, мертвый, тоскует — по ней, по непрожитому вместе. В этом треугольнике неслучившейся любви есть и трагизм короткого несчастного брака Татьяны с Ильдаром, и комизм ходульного объяснения с Сергеем. Нет только живых чувств. Эти искусственные диалоги — порождение внутреннего монолога Татьяны, где есть только одна правда — Татьяны. Не случайно соперники объединяются в сознании Татьяны, когда ненавистный Ильдар сообщает ей о том, что ни Сергей, ни красавчик Джонни больше не придут к ней, — как

о принятом всеми мужчинами совместном решении: «Мы посоветовались, так лучше будет».

Максиму Пивневу с самого начала везет на роли партнеров центральных персонажей и работу с маститыми коллегами (Одилон в спектакле Владимира Золотаря «Жар и холод, или Идея господина Дома» с Анной Бекчановой или Семён в спектакле Максима Астафьева «И разыгрались же кони в поле...» с Георгием Обуховым). Заметно, как он быстро прибавляет в этой питательной среде.

Реальный, далекий от идеалов мужчина, каким является коллега Татьяны, физкультурник Гурген (Константин Кольцов), явно лишний в ее иллюзорном мире. Константин Кольцов обживает эту необычную для себя роль осторожно, уходит от пародийных красок горячего кавказца и находит неожиданное созвучие с Татьяной в чужести своего героя местному окружению, стремлении поскорее вырваться из ненавистной Бугульмы. Его признание выглядит как откровение шутника, вдруг оказавшегося страстным, трезво мыслящим мужчиной. К притязаниям Гургена Татьяна, конечно же, относится как к недоразумению.

Татьяна, возможно, одна из лучших на сегодня ролей Лены Кегелевой. Рядовая узнаваемая школьная училка в исполнении актрисы на глазах превращается в неистовую фурию, бунтующую против пошлости и лицемерия своего окружения. Внутренний космос Татьяны куда интересней жизни ее подруги Гульнары (Елена Адушева) и работы в школе. Все самое важное в истории Татьяны — признание в любви к Сергею и объяснение с Ильдаром — не случайно происходит не в жизни, а в теленостях и во сне как порождение ее собственной фантазии.

Вопреки обстоятельствам Татьяна Лены Кегелевой не выглядит жертвой. Меняется ли она? Безусловно, когда отказывается поддерживать легенду о муже-герое. Но при этом оставляет за собой право на самообман, на мечту как спасение от одиночества. Лена Кегелева наделяет свою Татьяну одновременно и энергией жизни, и неспособностью вступать с этой жизнью в какое-либо конструктивное взаимодействие. Наивность и идеализм в натуре Татьяны парадоксально соседствуют с неприятием фальши и показухи. В финале ученики Татьяны стирают нарисованные мелом на стене планету и космонавта, но в Татьяну-реалистку не особо верится, да и нужно ли. Ее сила — вера в чудо.

Основное действие спектакля посвящено выяснению отношений Татьяны с уже прожитым и отказу от имиджа образцовой вдовы. Последние диалоги с Гургеном, сыном Андреем и Ниной обращены к будущему. Гурген осмеян и отвергнут. Андрей (Иван Молодов) оставляет мать — собирается пойти по стопам отца и приносит повестку в армию, а ее ученица Нина (студентка АГИК Софья Кулишина и играющая с ней в очередь Кристина Василенко) читает написанное на правильном школьном английском сочинение о семье и мечте пойти по стопам любимой учительницы. Жесткое пробуждение к реальности, вызывающей растерянность и боль, и абстрактная схема будущего наивной девчужки, между которыми застывает в немом крике бедная Татьяна. Неужели все повторяется!? ■